

ВОЙНА

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 25 К. И НА СТ. 30 К.
РОЗН. ПРОДАЖЪ

НОВЫЙ САТИРИКОН

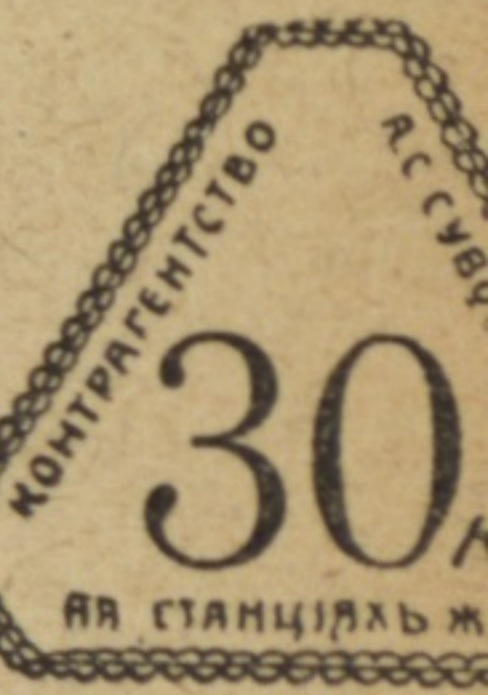
№ 39

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916

22 СЕНТЯБРЯ.

Рис. Ре-ми.

С М Е Р Т Ь И Ж И З Н Ь...

Американское бюро путешествій Кука послѣ окончанія войны предполагаетъ устроить экскурсію для американцевъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ происходили знаменитыя битвы...

Гидъ: — На этомъ мѣстѣ, господа, полегло въ 2 дня сто тысячъ!

Дъвица: — Вы слышите, Джонъ, какой ужасъ?

Кавалеръ: — О, Джесси! Для меня гораздо большій ужасъ то, что вы сегодня за завтракомъ не хотѣли сѣсть рядомъ со мной.

ПЕРВЫЙ РОБКІЙ ШАГЪ.

Фельетонъ Аркадія Аверченко.

Иллюстраціи А. Радакова.

Фердинандъ Кобургскій сидѣлъ съ министромъ Радославовымъ у себя въ кабинетѣ и занимался политическими разборами...

— Повѣсить тебя, паршивца, мало за такія дѣла, — задумчиво говорилъ онъ.

— Это, собственно, за какія же? — прищурившись, дипломатично возражалъ Радославовъ.

— Вотъ, за эти самыя. За тѣ, что на фронтѣ происходятъ. Ей-Богу, хорошо бы тебѣ повисѣть хоть полчаса.

— Ты-то тоже хорошъ, — дружески усмѣхался Радославовъ.

— По самомъ веревка такъ плачетъ, что смотрѣть жалко. Тоже — въ войну вступилъ... Пользѣ туда же. Тебѣ по дворамъ съ обезьяной ходить, а не воевать.

— Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить?! — обиженно проворчалъ Фердинандъ. — Ты знаешь, кто я?

— Мошенникъ ты.

Фердинандъ нахмурилъ брови и сказалъ съ истинно королевскимъ величіемъ:

— Отъ такого слышу.

— Дѣла, дѣла! — вздохнулъ Радославовъ. — Впору хоть миръ заключить.

— Пойди-ка заключи... Такъ они тебѣ и заключили сейчасъ.

— А все почему? Ужъ очень нахамили мы. То-есть, такого хамства напустили, такіе удушливые газы развели, что дышать нечѣмъ.

— Будь бы у меня деньги, — задумчиво прошепталъ Фердинандъ, — я подготовилъ бы общественное мнѣніе союзниковъ въ свою пользу.

— Плѣннаго привели, — доложилъ адъютантъ.

— Слава Богу, за двѣ недѣли перваго поймали, — проворчалъ Фердинандъ.

И вдругъ просвѣтлѣлъ весь.

— Плѣнный?! Постойте! Да вѣдь это замѣчательно... Онъ здѣсь? Чудесно! Вы, конечно, знаете, что нужно съ нимъ сдѣлать?

— Такъ точно, — щелкнулъ каблуками адъютантъ, — какъ всегда: обрѣзать сначала уши и носъ, потомъ...

— Кретинъ! Боже тебя сохрани! Шкуру спущу... Приведи его сюда.

Въ кабинетъ ввели связаннаго по рукамъ и ногамъ печальнаго, угрюмаго солдата.

Фердинандъ сдѣлалъ сияющее лицо и подошелъ къ нему.

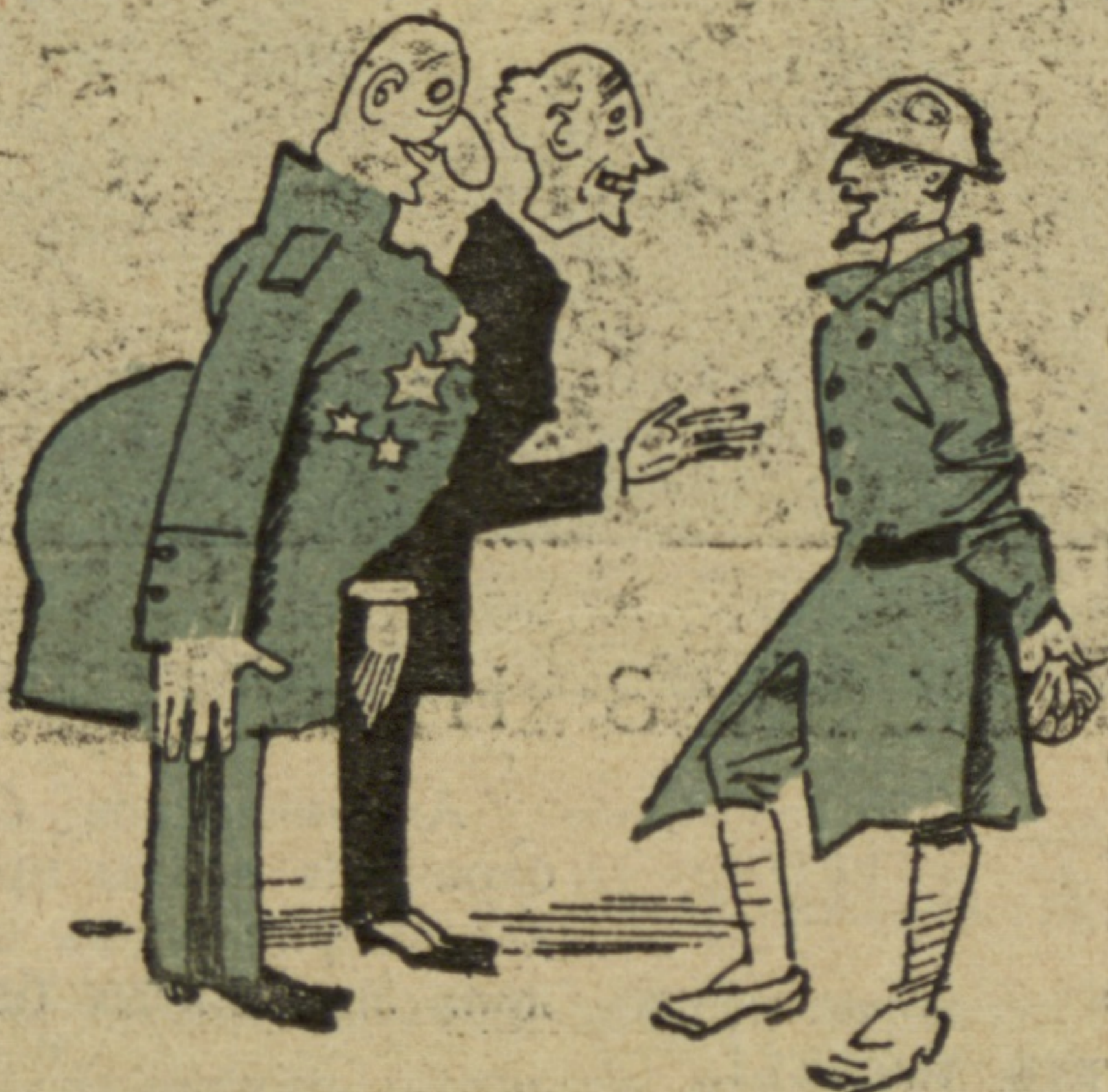
— Парле ву франсе, голубчикъ?

— Оці, — кивнулъ головой плѣнный.

— Ну, смотрите, какъ замѣчательно! — ахнулъ Фердинандъ. — Такой молодой и уже говоритъ по-французски.

— Я — французъ, — пожалъ плечами плѣнный.

— Ну, не чудо ли это? Совсѣмъ еще юноша, а уже французъ! Что же съ вами будетъ къ тридцати годамъ!.. Какъживаете?

— Плохо. Вотъ, въ плѣнъ попалъ. На развѣдкѣ увлекся. Фердинандъ изумленно поглядѣлъ на солдата.

— Въ плѣнъ? Въ какой плѣнъ? Что вы такое говорите?

— Ваши люди меня въ плѣнъ взяли. Я, конечно, защищался, но ихъ было много.

Звонко всплеснулъ Фердинандъ руками.

— Да вы съ ума сошли! Гдѣ плѣнъ? Который?

— Очень просто. Мы воюемъ съ вами, вотъ меня и захватили.

— Нѣтъ, вы меня прямо уморите! Воюемъ? Кто?! Съ кѣмъ? Я понимаю: просто вы, очевидно, гуляли, а мои люди взяли васъ, чтобы охранить отъ австрійцевъ. Тутъ, знаете, вблизи австрійцы есть, такъ это такой народъ, что упаси Боже. Форменные мерзавцы! Вѣрите: какъ австрійца или нѣмца увижу — такъ форменно тошнитъ меня, — до того противно. Садитесь, пожалуйста. Курите?

— Нѣтъ.

— Удивительно симпатичный молодой человекъ. Правда, Радославовъ?

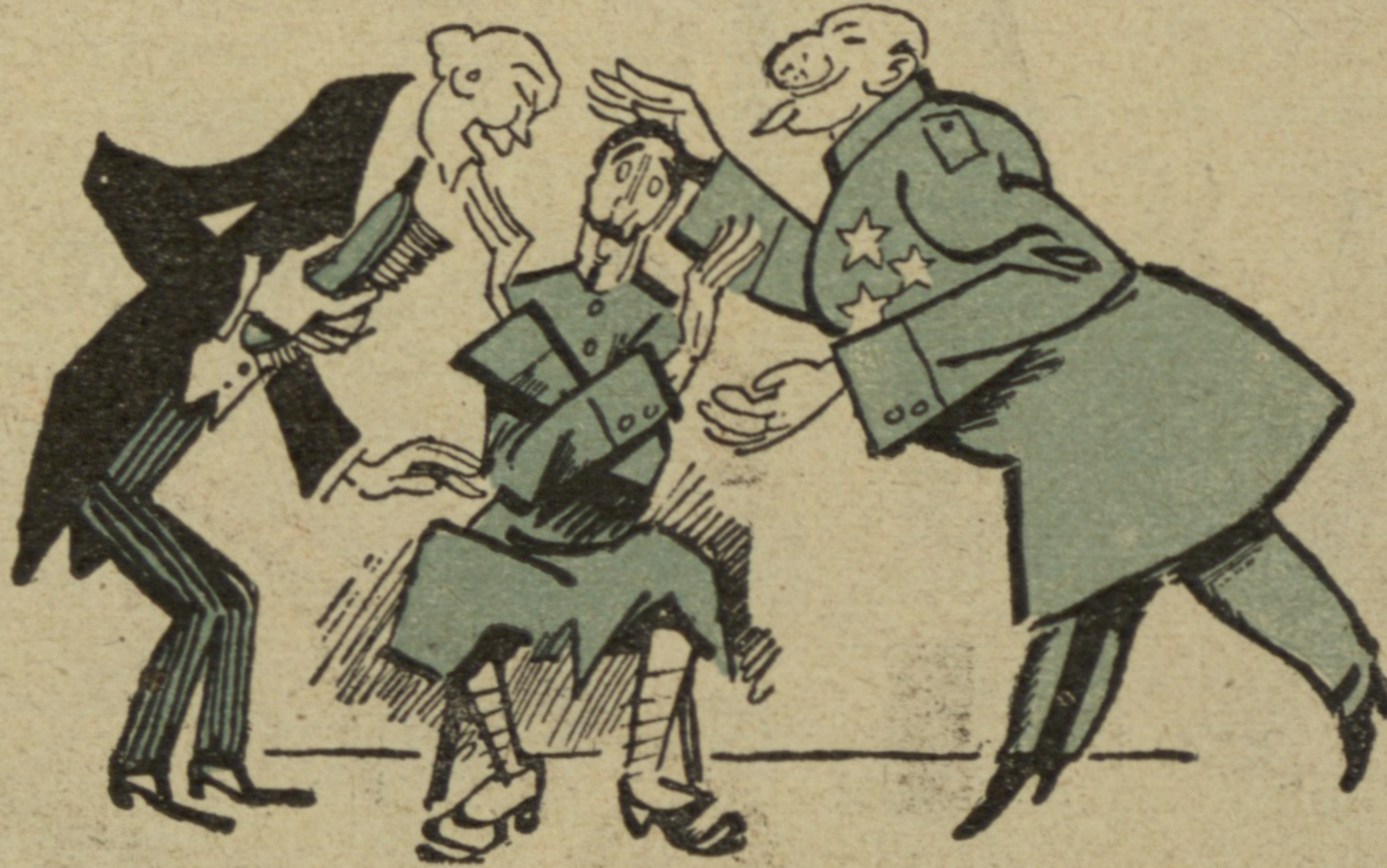
— Да, — кивнулъ головой Радославовъ. — Свѣтлая личность. Женаты?

— Нѣтъ. Я могу идти?

— Да куда же вы. Посидите. Нѣтъ, но вы меня прямо насмѣшили. Мы, говоритъ, воюемъ съ вами.

— Однако, я отбивался отъ вашихъ солдатъ. Двухъ убилъ.

— Такъ имъ и надо. Не лѣзь. Я бы имъ еще отъ себя прибавилъ. Вѣдь эти мерзавцы не понимаютъ человѣческаго

болгарскаго языка: я имъ ясно, по-болгарски сказалъ: если увидите француза, или серба, или русскаго — подойдите къ нему и пригласите ко мнѣ въ гости.

— А они въ меня стрѣляли.

— Что?! Узнаютъ же они у меня. Успокойтесь, голубчикъ. Они будутъ наказаны.

Плѣнный стоялъ, свѣсивъ голову.

— Кого я люблю, — прошепталъ, будто говоря самъ съ собой, Фердинандъ, — такъ это французовъ. И англичанъ тоже. И русскихъ. Еще вчера поворю Радославову: «Хорошо, если бы я былъ французомъ». Правда, Радославовъ?

— Правда, — подтвердилъ Радославовъ. — А я еще сказалъ: «И не дай Богъ, если бы вы были нѣмцемъ».

— Да-да. А я еще, понимаете, голубчикъ, разсмѣялся и кричу ему: «Съ ума ты сошелъ? Какъ можно въ моемъ присутствіи говорить объ этихъ гадахъ?»

— Да, онъ на меня кричалъ, — подтвердилъ Радославовъ.

— Ну, вотъ видите. Люблю французовъ. Хе-хе. А ужъ сынокъ мой, если бы васъ увидѣлъ, прямо бы задушилъ отъ радости. Такъ я васъ, дорогой мой, сейчасъ отпущу, а вы идите къ себѣ и кланяйтесь тамъ своему начальству. Скажите, что я всегда былъ другомъ французовъ и ежели что, такъ я завсегда готовъ.

— А отъ меня, — сказалъ Радославовъ, — прямо такъ и поцѣлуйте командира полка. Молъ, кланяется Радославовъ и проситъ поцѣловать. Не забудьте. И чтобъ объ этомъ въ газетахъ было.

— Ну, ступай, голубчикъ. Всего хорошаго. Да! Вотъ тебѣ: сто франковъ. Возьми себѣ на гостинцы.

— Мнѣ не надо, — сказалъ плѣнный.

— Дайте лучше мнѣ, — попросилъ Радославовъ. — А то у меня совсѣмъ мелочи нѣтъ.

Фердинандъ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ, и сунулъ деньги обратно въ карманъ...

Потомъ схватилъ руку плѣннаго и долго мялъ ее въ своей.

— Ахъ, какъ пріятно пожать руку настоящаго француза. Давно я этого не дѣлалъ. Да постойте же, дорогой, чего жъ тамъ вырываться?

Радославовъ вздохнулъ и подошелъ сзади со щеткой въ рукахъ:

— У васъ сзади, кажется, пыль. Позвольте, почищу

Сломавъ голову бѣжалъ отпущенный плѣнный къ своимъ, французскимъ окопамъ... Камнемъ перевалился черезъ брустверъ и хрипло простоналъ товарищамъ:

— Воды и мыла! Ради Бога, скорѣе.

* * *

Фердинандъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, говорилъ Радославову:

— А ловко я расположилъ его въ свою пользу. Теперь, пожалуй, миръ съ французами и не за горами.

Аркадій Аверченко.

ПОЛЬША.

Серебрились волны мощной Вислы,
И туманы стлы на лугахъ,
И ковры цвѣтушіе нависли
На крутыхъ красивыхъ берегахъ.
Пышный край, цвѣтами опьяненный!

— Помогите Польшѣ разоренной!

Былъ у панны міръ свой несказанный,
Міръ особый въ глубинѣ души
Былъ у панны милый и коханный,
Съ кѣмъ встрѣчалась въ трепетной тиши;
Для кого была самой Мадонной...

— Помогите Польшѣ разоренной!

Но однажды тучи по лазури
Набѣжали грозною чредой —
Зашумѣли, застонали бури
И завыли черною бѣдой...
Захлебнулись пѣсней многостонной...

— Помогите Польшѣ разоренной!

И забывъ лобзанія коханой,
Томность глазъ и мраморъ чудныхъ плечъ,
Гордый шляхтичъ распростился съ панной,
Обнаживъ предъ бурей острый мечъ.
Ахъ, лежитъ онъ пулею пронзенный...

— Помогите Польшѣ разоренной!

И груститъ и плачетъ тихо панна,
Черный крепъ обвилъ ея беретъ:
А въ груди болитъ и ноетъ рана,
И въ очахъ тускнѣетъ солнца свѣтъ...
Взоръ пылаетъ гнѣвомъ оскорбленной...

— Помогите Польшѣ разоренной!

Евгеній Яновскій.

Рис. Ре-ми.

КОРНИ ЗАВОЕВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

Нѣмецкій студентъ (пошатываясь и задѣвая за стѣны домовъ): — О, чортъ возьми! Теперь я вполне согласенъ съ Вильгельмомъ, что въ Германіи тѣсно, и намъ необ... ходимо расшириться!

Б Ъ Д Н А Я Д Ъ В У Ш К А...

Художникъ: — Знаете, когда вы безъ платья — вы на десять лѣтъ моложе...
Модель: — Это понятно почему: моему платью уже ровно десять лѣтъ.

О СУДЕБНОМЪ ОТДѢЛѢ.

Если взять два большихъ бытовыхъ романа, смѣшать ихъ съ двумя психологическими повѣстями, тщательно на-шпиговать комплектомъ юмористическаго журнала и облить четырьмя драмами, получится одна десятая той фабулы, которая развертывается каждый день на засѣданіи обыкновеннаго суда.

Если взять тупого, болѣзненно вялаго разговорчиваго идиота, двухъ прачекъ, только что кончившихъ стирку въ небогатомъ семействѣ, и анекдоты пассажира третьяго класса, смѣшать все это въ равной пропорціи — содержательность этой смѣси будетъ приблизительно раза въ четыре больше, чѣмъ содержательность любой современной пьесы о любящихъ, измѣняющихъ, адюльтерствующихъ и юродствующихъ.

А когда я раскрываю любую газету, начиная отъ пред-назначенной къ быстрому употребленію на извозчичьихъ биржахъ и кончая пахнувшей уважаемымъ профессорскимъ потомъ я вижу десять большихъ статей о театрѣ на одну маленькую замѣтку о судѣ.

Вы, навѣрное, не знаете, почему это происходитъ. Я знаю.

Обычно судебного репортера интересуетъ дѣло, гдѣ фигурируетъ не меньше шести тысячъ рублей. Меньшимъ онъ, благодаря широкой натурѣ, не интересуется.

— Стоитъ сидѣть, — съ пренебреженіемъ отзывается онъ о спискѣ предстоящихъ дѣлъ, — какой-то типъ свистнулъ у матери пятьсотъ рублей, придушилъ дѣвицу и пошелъ каяться. Да еще дѣвица эта самая невѣстой его была... Хоть бы даму полусвѣта какую-нибудь кокнулъ, а то все по-семейному юбставилъ.

Во время разбора дѣла репортеръ, читая газету, записываетъ на ея поляхъ вчерашніе счета по картежной игрѣ и сердится на адвоката, задерживающаго приговоръ. Если проигрышъ былъ крупнѣе нормальнаго, репортеръ ловитъ все-таки шесть строчекъ и дѣловито записываетъ:

«Вчера слушалось дѣло неизвѣстнаго молодого человѣка, приватъ-доцента М., убившаго на почвѣ ревности изъ-за пятисотъ рублей свою невѣсту, дѣвицу К. Послѣ неудачной кражи у своей матери, М. сознался въ преступленіи и нынѣ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ. Обычное дѣло нашихъ дней, изобилующихъ такими происшествіями».

Больше репортеръ ничего почерпнуть не можетъ. И даже не пытается черпать.

Зато особымъ вниманіемъ пользуется бритый молодой человѣкъ съ большими ушами и толстой губой. Репортеръ описываетъ:

«Чрезвычайно интересный уголовный процессъ гражданскаго производства, — быстро заносить онъ въ книжку, — разыгрался на нашихъ глазахъ въ мѣстномъ окружномъ судѣ. Мѣщанинъ порога Пскова Вертихинъ, нѣкогда проживавъ съ популярной въ своемъ районѣ демимонденкой Райской-Захаровой, по мужу Супягиной. Лилась широкая жизнь порожистымъ каскадомъ. Но вотъ каскадъ затихъ, какъ птичка въ осеннюю непогоду. Средства истощились, и изъ шикарнаго номера гостиницы для пріѣзжающихъ въ Воловь-емъ переулкѣ влюбленные кинуты въ омутъ столичной жизни. Денегъ нѣтъ. На послѣдніе шесть рублей Вертихинъ устраиваетъ пиръ со всѣми лукуллами, и моральное денежное состояніе скромнаго биллиарднаго маркера кануло въ Лету иппохондріи. Лета Летой, а хлѣбъ съ масломъ ѣсть-кушать надо. И вотъ, подгоняемый скорпіономъ увлеченія, Вертихинъ крадетъ въ сосѣднемъ номерѣ шесть тысячъ рублей и два драгоцѣнные брильянта, оказавшіеся впоследствии серебряными ложками. Пойманный полиціей, которую вызвала его гражданская сожительница, Вертихинъ долго показывалъ разные паспорта и называлъ себя Ещиковымъ. При участіи присяжныхъ засѣдателей, среди которыхъ находился популярный спортсменъ В., Ещиковъ-Вертихинъ отправленъ на каторгу. Большую сенсацию вызвали показанія полумонденки Сашки Треплихи о жизни мѣстнаго избраннаго общества въ Воловь-емъ переулкѣ. Несмотря на протесты публики, среди которыхъ было много друзей и знакомыхъ m-me Треплихи, председатель неоднократно останавливалъ ее отъ спеціальныхъ выраженій. Этотъ незаурядный процессъ оставилъ глубокое впечатлѣніе».

Иногда неопытный судебный репортеръ, впервые пущенный въ судъ на кормленіе изъ газетнаго жерла, сразу пугается и не знаетъ, что ему дѣлать.

Тогда его отчетъ прѣшить излишними подробностями, затемняющими суть дѣла.

«Какъ сейчасъ помню энергичное, бритое, съ подбородкомъ, лицо председателя. Сочный голосъ магически дѣйствуетъ на свидѣтелей. Свидѣтели, встаньте! Свидѣтели, встаютъ! Свидѣтель, сядьте! Свидѣтель садится. И никогда наоборотъ. Должность председателя хотя оплачивается и не особенно хорошо при теперешнихъ условіяхъ жизни, тѣмъ не менѣе она очень почетна. Въ одномъ изъ еженедѣльныхъ журналовъ было сообщено даже, что, напримѣръ, въ Нью-Орлеанѣ эти должности занимаютъ самые старые изъ мѣстныхъ небогатыхъ плантаторовъ. Защищаль подсудимаго помощникъ присяжнаго повѣреннаго адвоката М. Фускеръ. Глядя на его энергичное бритое лицо, чувствовалось, что обвиняемый могъ чувствовать себя спокойно за его юриспрудентной спиной. Мѣщанинъ Сурковъ приговоренъ къ двумъ годамъ безсрочной тюрьмы, что мы и ожидали».

Очень молодой судебный репортеръ, довольный самымъ фактомъ своего существованія, а также существованія окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, главнымъ образомъ, обращаетъ вниманіе на внѣшность суда.

«Большая уютная комната вмѣстила, кромѣ обвиняемаго и его судей, такъ же и постороннюю публику, въ лицѣ двѣнадцати присяжныхъ засѣдателей и ихъ помощниковъ. Мы были приняты очень любезно. Центръ общаго вниманія — обвиняемый, помѣщикъ Харлатинъ. Ему было посвящено почти все засѣданіе, несмотря на его односложные отвѣты: «Ничего не знаю, тамъ не былъ, вины не признаю». Прокуроръ былъ, повидимому, въ духѣ и очень много разговаривалъ, поддерживая общее настроеніе».

Редакторъ газеты судомъ не интересуется. Если въ газетѣ совсѣмъ не будетъ судебного отдѣла, никто не придетъ обижаться въ пріемную. Герои процесса, уходя на каторжные работы, газетъ не выписываютъ, свидѣтели рады, что ихъ оставили въ покоѣ, и отчетомъ пренебрегаютъ...

Если не будетъ отчета о премьерѣ, будутъ приходиться какіе-то чужіе люди, требовать рѣзкаго осужденія игры премьерши труппы и настаивать на должномъ освѣщеніи яркаго таланта молодой артистки съ большимъ подъемомъ вынесшей два раза на сцену подносъ со стаканами.

Поэтому, театральная рецензія занимаетъ мѣсто судебной, сжимая ее, какъ хмурая толстая дама въ трамваѣ притискиваетъ къ стѣнкѣ робкаго чиновника съ вечерней газетой, вымоченной дождемъ.

Въ судѣ трагедіи смѣняются драмами, драмы острыми пародіями на человѣческое бытіе, а тупыя газеты мѣрно жуютъ пухлую ежедневную жвачку, не поворачивая лѣнливыхъ глазъ...

Воспитайте въ себѣ силу воли, упражняйтесь по системѣ самыхъ разнообразныхъ гимнастикъ и, почувствовавъ себя хозяиномъ самого себя, бросайте читать газеты.

Это дѣйствуетъ развивающе.

Арк. Буховъ.

М Е Д Ъ.

Вы боитесь? Вы правы. Я могу сломать ваши пальчики. Я — косилапый медвѣдь, а вы — кружевная. Ваши губы — медовый цвѣтокъ, ликерный бокальчикъ, А я — косилапый, я знаю.

Что же дѣлать? Я люблю ваши руки, глаза и улыбку, и ротъ.

Что же дѣлать медвѣдю? Онъ любитъ медъ.

Лидія Лѣсная.

Г О Р Я Ч Е Е В Р Е М Я.

Въ галантерейномъ магазинѣ.
— Хозяинъ, эти дамскіе трехрублевые чулки моль поѣла. Какую цѣну поставить?
— Ставь десять рублей. Сойдутъ за ажурные.

— Послушайте! Вы мнѣ продали пару перчатокъ, и обѣ перчатки на одну руку...

— Послѣднія были. Впрочемъ, извольте — одну лишнюю перчатку я приму обратно. Можете получить изъ кассы половину.

М.

ЗАМАНЧИВАЯ ПЕРСПЕКТИВА.

Велосипедистъ: — ... Поори еще, поори мнѣ! Вотъ тамъ сзади ѣдетъ автомобиль — онъ тебя совсѣмъ dokonчитъ.

С Е З О Н Ъ.

Гдѣ вы были, гдѣ лѣчились,
 Всѣ вы, чахлый и больной,
 И откуда появились,
 Уѣзжавшіе весной?
 Что несетъ васъ въ наши ямы,
 Гдѣ самъ дьяволъ править балъ?
 Или этой панорамы
 Ты, самарець, не видалъ?
 Дождикъ, пыль, панели дыры...
 ... Просить кушать размазну
 Нашей «Сѣверной Пальмиры»
 Вѣковѣчное меню.
 Здѣсь, подъ гнетомъ непогоды,
 Неблаженная страна:
 Дымно-сѣры неба своды,
 Жизнь уныла и мрачна,
 Тусклы взоры, тупы уши,
 И одно у всѣхъ въ устахъ:
 «Эхъ, уѣхать бы въ Тетюши,
 Одичавши въ Озеркахъ!»
 «Какъ корнетъ изъ гауптвахты
 Поскакалъ бы я въ галопъ
 Изъ проклятой тинной Лахты
 Въ милый славный Конотопъ».
 «Я оттуда, гдѣ скучаютъ
 Пыльной Ялты берега».
 «Я съ Оки, гдѣ исчезаютъ
 Въ лапахъ банковскихъ луга».
 Эхъ, въ тиши ли тамъ, во громъ ль
 Не сбѣжишь отъ «русскихъ» лицъ:
 Тутъ, извольте, Гомель-Гомель,
 Тамъ, извольте, Биарриць.
 Что въ журналахъ? Что въ «Паласѣ»?
 Подъ цензурой ходитъ «День»?
 Ну, а въ «Новомъ васъ-истъ-дасѣ»,
 Какъ и прежде, дребедень?
 Что за гвоздь намѣченъ въ «Буффѣ»?
 Есть ли свѣженькій скандалъ?
 Что Потапенко въ Гурзуфѣ
 Про поповенъ написалъ?
 ... Книги... сплетни... злыдни... пьесы...
 Банки... кражи, да обманъ...
 Сплинь, да скука прѣсной прессы...
 Скука, дождикъ и туманъ...

Дрызгунова Сыновья.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Живая крѣпость.

„Биржевыя Вѣдом.“ рассказываютъ о новыхъ военныхъ изобрѣтеніяхъ англичанъ:

Слѣдующій случай можетъ служить иллюстраціей дѣятельности новыхъ блиндированныхъ автомобилей, называемыхъ „сухопутными дредноутами“.

Водочный заводъ былъ превращенъ нѣмцами въ пулеметное гнѣздо. Къ этому заводу направился, громыхая, блиндированный автомобиль, который, ударившись въ ворота, разбилъ ихъ и разбросалъ служившіе баррикадой мѣшки съ пескомъ и очутился среди пулеметовъ. Нѣсколько минутъ спустя, наступила полная тишина, и наша пѣхота заняла заводъ.

Корреспондентъ, сообщающій объ этомъ чудовищѣ, успокоительно (для нѣмцевъ) говоритъ:

— Это еще только начало.

Отъ радости.

Есть вещи, которыя трогаютъ до слезъ. Англійскій лейтенантъ Робинсонъ рассказываетъ, какъ онъ сбиль нѣмецкій Цеппелинъ:

Я пробылъ въ облакахъ болѣе часа, прежде чѣмъ замѣтилъ летѣвшій цеппелинъ, за которымъ я немедленно послѣдовалъ, забравъ еще большую высоту, чтобы быть надъ нимъ. Однако, туманъ былъ настолько густъ, что я потерялъ цеппелинъ изъ виду и атаковалъ его съ дальняго разстоянія. Я не могъ видѣть, причинилъ ли я ему поврежденіе, или нѣтъ, и поэтому рѣшилъ напасть на слѣдующее судно, которое я могу встрѣтить, въ какомъ бы положеніи я съ нимъ ни встрѣтился. Случилось это послѣ 2-хъ часовъ. Цеппелинъ находился на высотѣ 10 тыс. футовъ. Вскорѣ я замѣтилъ, что на цеппелинѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится у него резервуаръ для нефти, показалось пламя. Съ носа пламя быстро распространилось вдоль всего цеппелина, и въ огнѣ онъ полетѣлъ на востокъ, но нѣсколько минутъ спустя нырнулъ носомъ и сталъ тихо опускаться на землю, весь объятый пламенемъ. Я такъ былъ доволенъ, что сдѣлалъ въ воздухѣ нѣсколько мертвыхъ петель.

Не трогательна ли эта непосредственность, эта чисто ребяческая черта: маленькій человекъ, крохотный Давидъ свалилъ на землю огромнаго Голиафа — Цеппелинъ... И первое побужденіе — радостно перекувырнуться въ воздухѣ, какъ ребенокъ...

Привѣтъ веселому мужественному Робинсону!

„Красивый жестъ“.

Есть такой обычай: передъ Рождествомъ давать чиновникамъ награду „на гуся“.

Нѣмцы рѣшили этого традиціоннаго гуся замѣнить свиньей.

Вотъ какую свинью подложили они нѣмецкому бюргеру: „Frankf. Z.“ сообщаетъ, что проектируется рождественскія награды германскимъ чиновникамъ выдавать облигаціями всеннаго займа.

Мы можемъ утѣшить: правда — гуся не будетъ, но изъ бумажной облигации можно будетъ сдѣлать хорошаго пѣтуха. Все-таки, тоже птица.

Работяги.

Не цѣнять у насъ въ Россіи дѣятельныхъ людей:

Вблизи Харькова, въ глубинѣ лѣса обнаруженъ тайный винокуренный заводъ, бывшій въ полномъ ходу въ моментъ обнаруженія. Ежемѣсячно заводъ вырабатывалъ свыше 400 ведеръ, и спиртъ продавали по 10 рублей бутылка.

Еще три года тому назадъ инициаторы этого завода получили бы медаль на лентѣ съ надписью: „За трудолюбіе и искусство“.

А теперь что они получаютъ? Арестантскія роты они получаютъ.

Такъ усложняется наша жизнь.

Проруха на старуху.

„Русск. Слово“ по поводу отставки Кошуры-Массальскаго говоритъ:

„Несмотря на энергичную поддержку друзей справа, Массальскій ни разу не былъ принятъ Штюмеромъ. Не помогло ему и заступничество Маркова.“

— Валяй, Марковъ, — сказали ему товарищи.

Анъ, Марковъ и не сваялъ на этотъ разъ.

Тоже „адресъ“.

Венизелось преподнесъ на-дняхъ греческому королю Константину слѣдующій „адресъ“:

„Ваше Величество, вы — жертва людей, которые не поколебались пошатнуть въ народѣ уваженіе къ коронѣ и любовь къ вамъ, ради личныхъ корыстныхъ цѣлей и личнаго властолюбія. Люди, которые вѣдая противъ меня личную борьбу, не поколебались уничтожить плоды пятилѣтней работы и двухъ побѣдоносныхъ войнъ, лишь бы достигнуть своей цѣли и удалить меня отъ власти. Вы — жертва вашихъ военныхъ совѣтниковъ, которые обманываютъ васъ, имѣя цѣлью сдѣлаться господами положенія, уничтоживъ конституціонныя гарантіи. Вы, наконецъ, — жертва вашей естественной человѣческой слабости, благодаря которой вы сдѣлались поклонникомъ всего германскаго и не только увѣровали въ побѣду Германіи, но стали желать этой побѣды, надѣясь черезъ нее соединить въ своихъ рукахъ всю власть въ нашей странѣ и уничтожить конституціонныя гарантіи. Теперь вы видите результаты этихъ ошибокъ.“

Отвѣта на эти умныя слова Венизелось не получилъ.

Потомъ онъ недоумѣвалъ:

— Кажется, я ему греческимъ языкомъ говорю — не понимаетъ.

На это можно отвѣтить:

— Ему надо было нѣмецкимъ языкомъ говорить — тогда онъ бы понялъ. А то — греческій адресъ.

Неужели Венизелось не понимаетъ, что королю Константину можно поднести только одинъ адресъ:

„Въ Берлинъ. И навсегда“.

Масло на мыло.

„Рѣчь“ сообщаетъ:

„Въ Сибири избытокъ масла. За невозможностью вывоза, его употребляютъ для мыловаренія“.

Теперь понятно, почему въ Петроградѣ на масло цѣны:

— Взмылены.

Харьковскій индѣецъ.

Что можетъ произойти съ мирнымъ человѣкомъ, начитавшимся романовъ Купера и Майнъ-Рида:

Харьковъ. Въ припадкѣ ревности чиновникъ Воронинъ оскальпировалъ молодую жену. Пострадавшая доставлена въ больницу. Истязатель скрылся, унеся скальпированные волосы.

Петроградскія дамы даютъ тоже много поводовъ для ревности. Но они страхуютъ себя отъ послѣдствій: носятъ парикмахерскіе шиньоны. Унесетъ мужъ ночью такой скальпъ — жена даже не замѣтитъ.

По запаху.

Самымъ знаменитымъ считалось до сихъ поръ собачье чутье.

Теперь эту славу у собакъ перебили вологодскіе мужички:

По Вологодской желѣзной дорогѣ везли вагоны со спиртомъ. Вагоны были запломбированы. Но характерный запахъ встревожилъ обоняніе крестьянъ, работавшихъ вдоль полотна. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ разнеслась пріятная вѣсть. На станціяхъ уже ожидали крестьяне. Если пахнетъ такъ сильно, значитъ, вагоны дырявые, и бочки протекаютъ. Откуда ни взялись „бадеечки“ и „крыночки“, полѣзли всѣ, кто могъ, подъ вагоны и, какъ сообщаетъ ярославскій „Голосъ“, неожиданное пьянство на нѣкоторое время развилось такое, что люди не ходили, а ползали вокругъ станцій и полустанковъ.

Свиньи стояли издали и мучительно завидовали. Болѣе самолюбивыя — даже обижались:

— Какъ они смѣютъ говорить: „пьянъ какъ свинья“?!

МЪЩАНСКІЯ СКОРБИ.

XVII.

Ивану Ивановичу политика нисколько не интересна, Не спорить съ друзьями, не читаетъ газетъ, Я, говоритъ, былъ раненъ, сражался честно, И до всего остального, говоритъ, дѣла нѣтъ.

Дѣла нѣтъ! Не стыдно сознаться въ этомъ!..

Взять бы Иванъ Иванычъ съ меня примѣръ:

Если бы война не застала меня съ бѣлымъ билетомъ,

Развѣ бы плохой вышелъ изъ меня офицеръ?

Бывало съ Гавриловымъ, когда жили на дачѣ,

Такъ по воскресеньямъ съ утра подымали шумъ.

И все о войнѣ, а я человѣкъ горячій

И приговоренный къ политикѣ имѣю умъ.

Самой маленькой новости плазъ мой не проворонитъ,

Дома картъ съ флажками прямо некуда дѣтъ,

А ужъ если съ музыкой кого хоронятъ,

Такъ дѣло бросаю и бѣгу поглядѣть.

Такъ-то Иванъ Иванычъ! Правъ я — не правъ ли,

Повода нѣтъ ни къ обидѣ, ни къ злу,

Приходите пить кофе и попробовать вафли

Въ новой вафельной у насъ на углу.

Съ характеромъ вашимъ разстаньтесь утинымъ,

Приходите: вафельщикъ-то грекъ какъ разъ,

Будемъ допекать его королемъ Константиномъ,

Почему онъ, каналья, до сихъ поръ не за насъ...

Валентинъ Горянский.

У МЕНЯ НѢТЪ КВАРТИРЫ!!!

(Стонъ.)

Я всунулъ одну руку въ рукавъ пальто и кубаремъ скатился съ лѣстницы.

Было уже половина десятаго, а въ газетномъ объявленіи ясно сказано: «Видѣть квартиру можно отъ 10 час. утра».

Дожевывая на ходу булку, я подскочилъ къ извозчику и закричалъ:

— Во имя Бога! Во имя всего для тебя святого — на Ямскую, десять рублей.

У этого человѣка было сердце. Онъ сказалъ:

— Садитесь.

Но вдругъ я весь замеръ: отъ угла бѣжалъ какой-то господинъ и въ рукахъ у него была та же газета, что и у меня. Пальто было надѣто на одну руку, и онъ также на ходу что-то дожевывалъ.

Проклятіе! Въ той газетѣ, номера которой мы держали въ рукахъ, было только одно объявленіе о сдающейся квартирѣ. О, если бы онъ не нашелъ извозчика! Другого вблизи не было, а на своемъ я уже сидѣлъ такъ прочно, что оторвать меня отъ сидѣнья можно было только подъемнымъ краномъ.

— Извозчикъ! — подскочилъ къ намъ бѣжавшій. — На Ямскую! Сбрось этого господина — десять рублей дамъ!

Мой сардоническій хохотъ былъ ему отвѣтомъ.

— Пошелъ! — закричалъ я. — Пятнадцать.

Мы помчались.

* * *

— Завствуйте, старшій дворникъ, — привѣтливо улыбался я. — Какъ поживаете, старшій дворникъ?

— Что? Небось, квартиру?

— Такъ точно, господинъ надворный совѣтникъ.

— Да ужъ вижу. Всѣ вы мастера квартиры снимать. Пойдемъ, что ли.

— Позвольте, я ключи понесу. Они, кажется, тяжеловаты.

— Не егози. Не люблю. Ну, вотъ тебѣ, братъ, и квартира.

— Замѣчательная квартира!

— Ну, это, тоже какъ сказать. По-моему, темновата.

— Это-то и хорошо! Уютнѣе. Я, вѣдь, собственно говоря, господинъ старшій дворникъ, солнца и не люблю. Ну, что въ немъ хорошаго? Свѣтитъ, свѣтитъ, а чего свѣтитъ — такъ и неизвѣстно.

— Такъ-то оно такъ. Только сырости тутъ не обещаться.

— Вотъ, именно то, чего я искалъ! Отъ сухой квартиры у меня пересыхаетъ въ горлѣ и, вообще... а, да что намъ говорить... Вотъ эти обои прямо приводятъ меня въ восхищеніе.

— Это не свои. Это стѣна отъ сырости позеленѣла. Вишь ты, грибами тронулась.

— И расчудесно! И превосходно. Какъ пріятно, когда зимой глазъ отдыхаетъ на зелени... Въ родѣ, какъ лужайка. Возьмешь корзиночку, подойдешь, грибокъ пособираешь.

— Конечно, вамъ виднѣй. Только холодина тутъ зимой, будемъ говорить, сибирскій.

— Вотъ вы меня всѣ удивляете, господа... (голосъ у меня дрогнулъ). Сибирь, сибирскій. А что такое сибирскій? Развѣ въ Сибири люди не живутъ? Развѣ Сибирь не такая же страна, какъ, скажемъ, Нормандія... Эхъ, господа! Осудить все можно, а хорошо ли это?

— Вотъ только не знаю, какъ вамъ понравится: окна столовой, прямо выходятъ на выгребную яму...

— Да знаете ли вы, господинъ старшій, — въ экстазѣ вскричалъ я. — Что если бы этого не было, я бы самъ потребовалъ, чтобы такъ было! Вѣдь это же, какое же удобство же, подумайте: сидишь въ столовой — ѣшь, скажемъ, грушу или тамъ апельсинъ... Такъ вмѣсто того, чтобы класть корки на тарелочку, да чтобы горничная потомъ выносила — открываешь самъ окно и, такъ сказать, безъ пересадки, бросаешь эту дрянъ прямо въ яму... Это вѣдь сколько удовольствія!

— Такъ-съ. А вотъ тутъ я, конечно, обязанъ васъ предупредить: старикъ тутъ одинъ зарѣзанный является.

— Какой старикъ?

— А такой. По ночамъ ходитъ. Въ родѣ привидѣнія. Вѣсь въ бѣломъ, и глаза, какъ фонари, горятъ.

— И хорошо, что въ бѣломъ. Гигиенично. А что касается глазъ, такъ даже удобно: вмѣсто ночника освѣщать будутъ. Я даже радъ, что это старикъ. Солиднѣе. А то, что толку съ молодого, вертопрахи все. Еще, поди, и разобьетъ что, или украдетъ. Онъ что же, каждую ночь является?

— Нѣтъ, не каждую.

— И очень жаль. Чего-то, какъ будто, не будетъ хватать. Такъ, значитъ, квартира за мной? О цѣнѣ я не спрашиваю, сколько назначите, то и хорошо. Воображаю, какъ моя жена и дѣтки обрадуются!

Старшій дворникъ ахнулъ.

— Какъ?! У васъ есть дѣтки?

— Да-а-а... Но ихъ немного; всего двое. Они тихонькія, робкія такія. Навѣрное, скоро умрутъ.

— Нѣтъ, съ дѣтками нельзя. Хозяинъ не велѣлъ.

— Гм! Незадача. Собственно, я навѣрное, знаю, что они скоро умрутъ; осенью дифтериты разные, scarlatины.

— Ну, вотъ видите. Еще заразу въ домъ напустите. Нѣтъ, нельзя.

— А если я ихъ прирѣжу, тогда можно переѣхать?

— Да удобно ли это? Прирѣзать-то оно не штука, а потомъ, гляди, попадетесь, да въ тюрьму сядете, да неприятность всякая! Кто за квартиру платитъ будетъ?..

— Ну, я ихъ тогда завезу въ Москву и брошу. Скажите: а жена не мѣшаетъ?

— Нѣтъ, ничего. Это можно.

— А то ежели нельзя — я бы развелся. Все равно ужъ. Квартира, какъ говорится, важнѣе.

— Только деньги за годъ впередъ.

— За годъ? А я думалъ за три. Позвольте, я сейчасъ задатокъ дамъ. Позвольте, я сейчасъ за... датокъ дамъ. Поз.. вольте, я сей...

Я лихорадочно похлопывалъ по своимъ карманамъ, ощупывалъ ихъ...

— Позвольте, я зада... Поз... Господинъ старшій! Благодаритель! Торопился я къ вамъ — бумажникъ забылъ! Десять минуточекъ! Я бѣгомъ... Я...

Онъ равнодушно поглядѣлъ на меня.

— Да скажемъ, ежели никто другой не придетъ, я, пожалуй, подожду... А ежели явится другой, намъ, знаете, ждать, тоже не расчетъ... Это ужъ какъ тамъ хотите

Съ трескомъ распахнулась дверь, и въ пустынную, неуютную комнату влетѣлъ господинъ съ газетой, тотъ самый; тотъ самый.

— Сдана?!

— Нѣтъ еще. Задатокъ вотъ не даютъ.

Господинъ радостно взвизгнулъ и безъ передышки поспалъ:

— Я снимаю эту квартиру условія для меня безразличны дѣтей кошекъ собакъ нѣтъ тихій годовой квартирантъ получите пятьсотъ вамъ двѣсти остальные въ задатокъ когда могу переѣхать?..

* * *

Я тихо брелъ по улицѣ и думалъ:

«Собственно изъ этого положенія есть одинъ выходъ: сдѣлаться самому привидѣніемъ...»

Медуза-Горгона.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

«Синій Журналъ» объявилъ конкурсъ на премію — «медаль „Синяго Журнала“ (?)».

Медаль эта, какъ объявляетъ журналъ, будетъ выдана самому счастливому человѣку.

Такъ какъ самымъ счастливымъ человѣкомъ является человѣкъ, не читающій „Синяго Журнала“, то мы недоумѣваемъ: какимъ образомъ этотъ человѣкъ можетъ быть освѣдомленъ, что онъ получилъ медаль?

*

Изъ рецензіи одной кievской газеты:

..По игрѣ даровитой артистки чувствовалось, что она проникнута насквозь.

И точка. Больше ничего.

Чѣмъ она была проникнута — неизвѣстно.

Можетъ быть — отвращеніемъ къ безграмотному рецензенту?.

*

В. Розановъ рѣшилъ сказать свое вѣщее слово о Лермонтовѣ.

Мнѣ какъ-то онъ представляется духовнымъ вождемъ народа. Чѣмъ-то, чѣмъ былъ Дамаскинъ на Востокъ: чѣмъ были пустыньники Оваиды. Да ужъ рѣшусь сказать дерзость — онъ ушелъ бы „въ путь Серафима Саровскаго. Не въ этотъ именно, но въ какой то около этого пути лежащій путь.

— Эхъ, куда метнулъ, — какъ говорилъ гоголевскій городничій. — Такого туману напустилъ, что въ три года не разберешь.

Пушкинъ „навѣвалъ“... Но Лермонтовъ не навѣвалъ, а приказывалъ. У него были нахмуренныя очи. У Пушкина — вѣчно ясно. Вотъ разница.

И Пушкинъ сердился, но не дѣйствительнымъ серженьемъ. Лермонтовъ сердился дѣйствительнымъ серженьемъ.

Въ особенности — на Розанова, если бы Лермонтовъ прочелъ, какъ за него распинается г. Розановъ.

Оно и вѣрно: кому интересно, когда такое пишутъ.

Если бы былъ юбилей Байрона — Розановъ ругнулъ бы Лермонтова; а разъ именинникъ Лермонтовъ — почему для контрасту не обругать Байрона:

Байронъ съ его выкрутасами не подѣ статью серьезному и чистому Лермонтову.

Такъ-съ. А Розановъ со своими выкрутасами кому подѣ статью?

Выкрутасы — это еще мягко: просто, надо говорить прямо: жуликъ былъ Байронъ, въ редакціяхъ не отработывалъ авансовъ и пилъ горькую.

— Ату его!..

*

Въ связи съ мнѣніемъ г. Розанова о выкрутасахъ г. Байрона не лишне привести совершенно серьезное сообщеніе „Русскаго Знамени“, передающаго —

Упорные слухи объ увольненіи директора департамента полиціи генерала Климовича, на мѣсто котораго опредѣленно называли сотрудника „Новаго Времени“, Розанова.

Это можно, пусть называется.

Рис. В. Л.

ИСТОРИЯ О МАРОДЕРЪ И ПОКУПАТЕЛЯХЪ.

Трагедія въ 3-хъ частяхъ — безъ словъ.

„Мало словъ, а горя рѣченька.“
Изъ И. А. Некрасова.

Рис. А. Радакова.

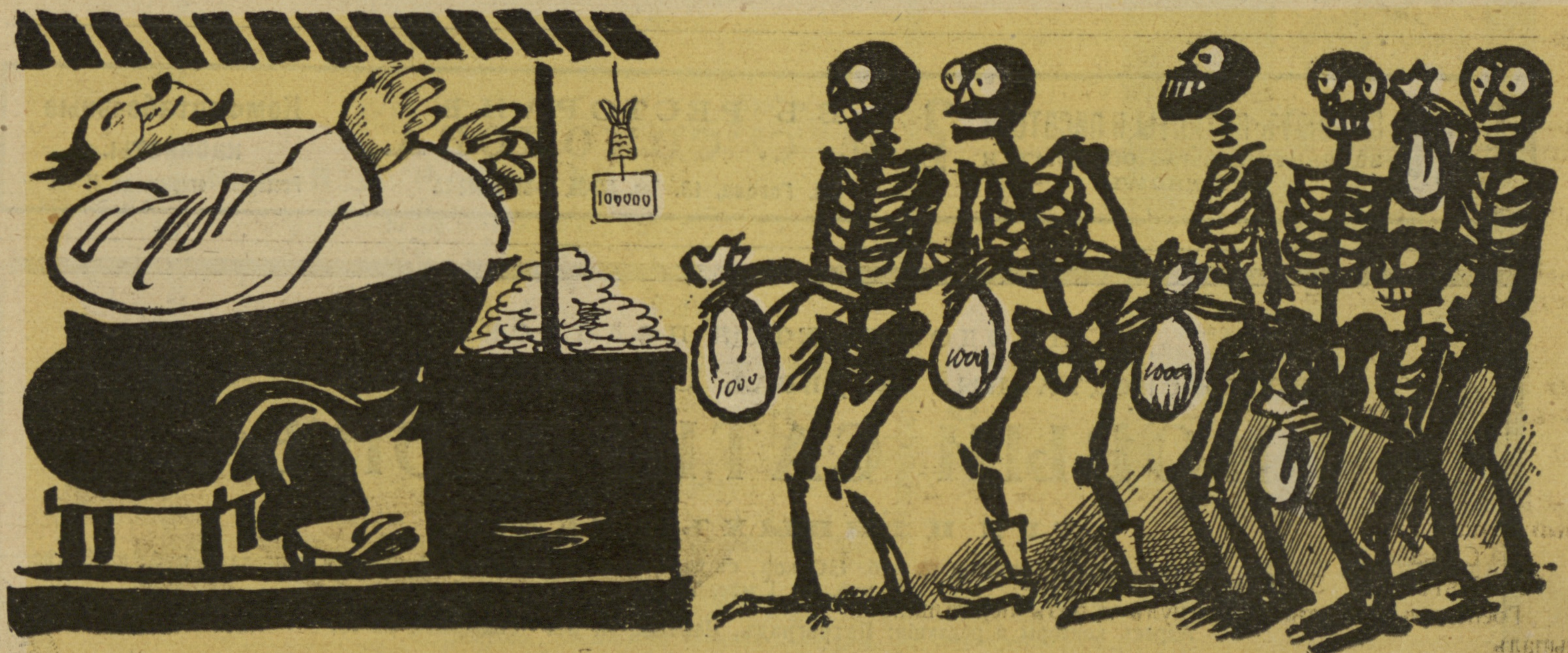
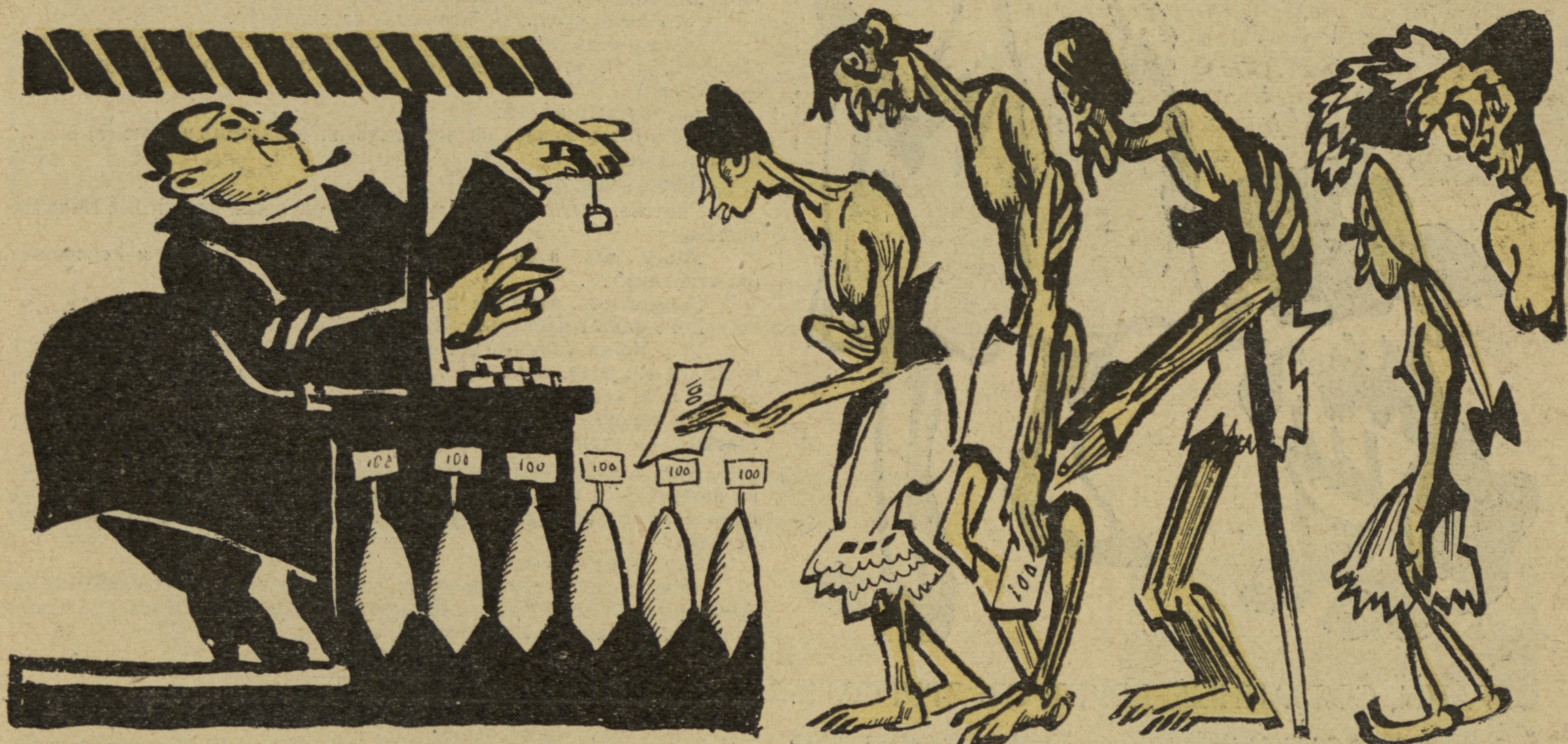

Рис. Ре-ми.

ОРГАНЫ, СВЯЗАННЫЕ ДРУГЪ СЪ ДРУГОМЪ.

— Видишь-ли, милый Рексъ... У этого чело́вѣка нѣтъ сердца... Поэтому-то, у тебя не будетъ сегодня печенки.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Гуляеву. — У Гуляева огромная палитра, огромный масштабъ:
„Длинной чередой проходятъ годы,
Тихо ступая на носки,
Гибнуть и рождаются народы,
Оставляя на земной корѣ мазки“...

Эта картина настолько величественна, что на страницахъ „Сатирикона“ не помѣстится.

С. О. Д. (8-я линия). У этого писателя, наоборотъ, образы мелкіе, будничные:

„Я зажегъ огонь — блоха,
Я смѣюсь надъ ней: ха - ха!
Я зажегъ огонь — вдругъ: клопы!
Я его ладонью хлопъ!
Обернулся — тараканъ.
Я пляшу надъ нимъ канканъ“.

Такъ беззаботно веселиться въ переживаемое нами время—едва, ли умѣстно.

Капуцину. — Капуцину тонкая лесть незнакома. Онъ льститъ, будто бревно ворочаетъ:

„Если бы не было вашего „Сатирикона“, то не стоило бы жить на свѣтѣ“.

Одинъ молодой чело́вѣкъ сказалъ барышнѣ:
„У васъ такая маленькая ручка, будто бы на одной рукѣ пять мизинцевъ“.

Тутъ же онъ ее обнялъ за талію и поцѣловалъ. Въ этомъ случаѣ видна хоть какая-нибудь цѣль.

Но зачѣмъ вы льстите „Сатирикону“ — непонятно.

Б. Провинція.

Казань. — К. Верп — ховскому. — Рассказъ, вообще, не подходитъ. Отрывокъ изъ рассказа:

„Это былъ скрипачъ, игравшій на скрипкѣ“.

Какимъ образомъ вы догадались, что на скрипкѣ игралъ именно скрипачъ, а не кто-либо другой? Вѣроятно, спросили у дирижера оркестра?

Въ другомъ мѣстѣ:

„Онъ былъ женатъ на хорошенькой блондинкѣ и даже (?) имѣлъ отъ нея дѣтей“.

Подумаешь, трудность.

Рязскъ. — Николаю П-ву. — Простодушный неопытный Николай пишетъ:

„Могу для васъ писать стихами, а также и сплошное (не стихами)“...

„Сплошное“, какъ мы догадываемся, это — проза.

Вотъ какъ выходитъ у Николая П-ва сплошное:

„... Когда увидѣла эта русалка конюха, который раздѣлся и полѣзъ у (?) воду, такъ она такъ спугалась, что задрала свой рыбій хвостъ и со всѣхъ ногъ (?) бросилась на дно морское“.

Не хорошо выходитъ сплошное у Николая П-ва. Богъ съ нимъ совсѣмъ, съ этимъ Николаемъ П-вымъ...

Безъ города. — Обоему полу. — Этотъ странный псевдонимъ не интересуется никакими другими дѣлами, кромѣ разрѣшенія пустѣйшаго вопроса: одно лицо Аркадій Аверченко и Аркадій Буховъ или не одно?

Это — разные лица.

Кстати, чтобы разъ навсегда покончить съ вами, сообщаемъ, что Александръ Македонскій, Александръ Пушкинъ и Александръ Дюма тоже разные лица. Удивительно, а?

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

4-й годъ
изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

4-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ТРИ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

Н Ъ Т Ъ К В А Р Т И Р Ъ!!!

Учащаяся молодежь на вокзалѣ.

— Коллега, нѣтъ ли у васъ какой-нибудь старенькой не нужной прокламаціи.

— А вамъ для чего?

— А я попробоваль бы влопаться — сразу тогда готовая квартира будетъ. Все-таки лучше, чѣмъ ничего.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ
ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА
имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ отдѣлъ
„TABACS ET CIGARETTES DE LUXE“

SPHINX	10 шт.	отъ 40 к. — 1 р.
КНЕВІВЕ	10 шт.	отъ 20 к. — 60 к.
CLASSIC	10 шт.	отъ 20 к. — 60 к.
АНГЛІЙСКІЕ ТАБАКИ	фунтъ	отъ 5 р. — 15 р.

ПАПИРОСЫ:

„ЯКА“	10 шт. 15 к. и 20 к.
	10 шт. 30 к. и 40 к.
„САФО“	10 шт. 15 к. и 20 к.
	10 шт. 30 к. и 40 к.
„DARLING“	10 шт. 15 к. и 20 к.
	10 шт. 30 к. и 40 к.

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:

Т-во А. Ж. Богдановъ и Ко.

ВСЕМІРНО ИЗВѢСТНЫИ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИНСТВЕННО ПРИЗНАННЫЙ ЖЕНЩИНАМИ ВСЕГО МІРА.
БЕЗСПОРНО РАДИКАЛЬНО УДАЛЯЕТЪ ВЕСНУШКИ, УГРИ, ПЯТНА, ЗАГАРЪ, МОРЩИНЫ И НЕДЕФЕКТЫ ЛИЦА.

Cassim's

ЧАСТИЧНОЕ РАЗРЪШЕНІЕ КРИЗИСА.

Онъ: — Сударыня! У васъ есть... своя квартира?

Она: — О, да, милашка. Пойдемъ ко мнѣ.

Онъ: — Съ удовольствіемъ... Только у меня тутъ еще жена, бабушка и двое дѣтишекъ. Позвольте ужъ съ ними... Мы третій день безъ квартиры ходимъ...